А. Г. Тепляков

ОТ КРИМИНАЛА ДО НАУКИ: СИБИРСКИЕ ПИСАТЕЛИ 1920–1930-х гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКУМЕНТОВ (В. А. ИТИН, М. А. КРАВКОВ, И. М. НОВОКШОНОВ)

doi: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-173-182 УДК 94(571)"1920/1930":82 ББК 63.3(253)61+83

Создание объективного биографического нарратива требует значительных усилий по поиску и критике документальных источников. Изучение жизни сибирских писателей В. А. Итина, М. А. Кравкова и И. М. Новокшонова, игравших заметную роль в литературном процессе региона, затруднено в силу того, что они были репрессированы: это подорвало источниковую базу и до сих пор не позволяет написать их полноценные исторические биографии. В судьбах указанных писателей оказалось много общего: они являлись противниками большевиков, находились в противоречивых отношениях с Белым движением, а затем были вынуждены служить коммунистическому государству, требовавшему полной покорности. Адаптация этих людей к существованию под властью большевиков осложнялась как уголовными, так и политическими преследованиями, но в том числе благодаря этому рождала пласты документов в партийно-государственных и чекистских архивных хранилищах. Часть обнаруженных источников заставляет полностью пересматривать давно сложившиеся репутации, вскрывая лжегероев, отягощенных грузом уголовных преступлений (Новокшонов). Часть документов введена в научный оборот впервые и позволяет осветить политическую деятельность М. Кравкова и В. Итина, которая была активной и многообразной. Характерно, что даже при выраженном стремлении адаптироваться к советской действительности эти писатели не пережили репрессий органов госбезопасности. При этом их следственные дела предоставляют крайне важные материалы, которые при дополнительном изучении партийно-государственных архивов позволяют серьезно уточнить или даже пересмотреть репутации этих литераторов.

Ключевые слова: *В. А. Итин, М. А. Кравков, И. М. Новокшонов, литература, Сибирь, Гражданская война, политика, репрессии, криминал, реабилитация*

Реконструкция основных биографических событий исторических личностей советской эпохи сталкивается как с нехваткой документов, уничтоженных либо до сих пор засекреченных, так и с искажениями основных жизненных коллизий самими людьми — ради самосохранения, карьеры, либо, как в послесталинский период, просто ради возможности упоминания ранее репрессированных акторов в положительном контексте. Остается непрозрачной и литературная жизнь первых десятилетий XX в., и заново формируются многие литературные репутации. До сих пор далеки от полноты и жизнеописания трех видных писателей Сибирского региона, чьи биографии мы намерены дополнить новыми документальными свидетельствами.

Политические репрессии 1930-х гг. уничтожили и ведущих писателей Сибири, и многих рядовых литераторов вместе с их архивами. Биографии и труды некоторых из них представлены в работах исследователей последнего десятилетия: например, активно изучается незаурядное творчество В. Я. Зазубрина и В. А. Итина.[1]

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы, в том числе из следственных дел на литераторов и их окружение, позволяют дополнить биографические и творческие коллизии целым рядом документальных свидетельств, раскрывающих драматические подробности существования деятелей сибирской беллетристики в первые советские десятилетия.

Часть советских биографий является, в части демонстрации подвигов и достижений авторов, просто вымыслом. Изучение феномена советского самозванчества от 1920-х гг. и до поздней сталинской эпохи ведется как отечественными,

Тепляков Алексей Георгиевич — к.и.н., с.н.с., Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
E-mail: *teplyakov-alexey@rambler.ru*

[1] Яранцев В. Н. Зазубрин: человек, который написал «Щепку»: повесть-исследование из времен, не столь отдаленных. Новосибирск, 2012; Он же. Вивиан Итин. Гражданин Страны Гонгури. Петербургское повествование. Новосибирск, 2018; Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 181–208; Папков С. А. Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 89–97.

так и зарубежными исследователями.[2] Ш. Фицпатрик отметила тонкую грань, отделяющую «самозванство от вполне похвальной практики самоформирования или перевоплощения, которого революция требует от всех граждан» (указанные практики подробно рассмотрены в новейшем фундаментальном исследовании И. Халфина). Советские люди быстро приобрели «привычку к утаиванию и ретушированию тех или иных фактов, неразрывно связанную с общим процессом пересотворения себя».[3]

Вымышленные жизнеописания не только спасали людей «чуждого» происхождения от внимания карательных органов, они еще и формировали максимально «героическую» биографию, наиболее востребованную эпохой и позволявшую перейти в уважаемую и привилегированную страту революционеров. Подобным образом поступали нередко, и часть самозванцев так и осталась героями-революционерами, и только сегодня открываются их истинные биографии.

Более распространенным вариантом формирования новой биографии было удаление компрометирующих для советской власти страниц при оставлении нейтральных и положительных. При этом следовало учитывать постоянное изменение правил со стороны государства, в котором до самого конца сталинской эпохи фиксируется усиление криминализации вещей, ранее допустимых. Это требовало частого изменения биографий, затушевывания в них эпизодов, приобретавших опасный вид, особенно в связи с деятельностью на стороне властей царской России, Временного и белых правительств, а также знакомства с репрессированными лицами. В связи с этим исследователя подстерегают две основные источниковедческие проблемы — нехватка документов из-за их уничтожения перед арестом или после такового, и крайняя тенденциозность сохранившихся материалов. Многие биографии до сих пор опираются на узкий круг источников, использованных без должной критики.

Представленная статья предлагает развитие критического нарратива о значимых деятелях советской культуры, активных в области политики, армии и сфере спецслужб, базирующегося на введении новых биографических документов, переосмысления и дополнения имеющихся публикаций.

Например, до сих пор не создано полноценной биографии М. А. Кравкова (1887–1937), неизвестны многие подробности следствия и реабилитации В. А. Итина (1894–1938), и только началось раскрытие биографии И. М. Новокшонова (1896–1943). Эти три литератора хорошо демонстрируют разнообразие писательских типов сибирского региона: уклонявшийся от прямого участия в Гражданской войне Вивиан Азарьевич Итин, пошедший служить красным сразу после изгнания колчаковцев; революционер-террорист и не очень верный защитник белой государственности Максимилиан Алексеевич Кравков, выбравший в 1920-е гг. основным занятием музейное дело и кинематограф, а также абсолютно беспринципный авантюрист Иван Михайлович Новокшонов, человек с многочисленными криминальными страницами в биографии.

Все трое героев были политически активны, Кравков и Итин происходили из интеллигентской среды, а Новокшонов был сыном рабочего-железнодорожника, сумевшим окончить в Иркутске четыре класса гимназии. Столичные жители Кравков с Итиным с ранней юности были критиками самодержавия, а Новокшонов задумался о политике только с началом Гражданской войны, встреченной им в Иркутске. Известная с его слов биография, составленная советскими авторами,[4] абсолютно недостоверна. Он типичный самозванец, сумевший, с одной стороны, скрыть некоторые стороны своей жизни, а с другой — нужным для властей образом зарекомендовать себя и на фронтах Гражданской войны, и в спецслужбах, и на литературном поприще.

Биография этого персонажа, подготовленная нами в 2017 г., объединяет некоторые вымышленные Новокшоновым сведения с новыми, демифологизирующими.[5] И только в 2022 г. Г. И. Хипхеновым было открыто криминально-авантюрное начало истории Новокшонова, дезертировавшего из Красной гвардии

[2] См.: Алексеев В. В., Нечаева М. Ю. Воскресшие Романовы?... К истории самозванчества в России XX века. Екатеринбург; Челябинск, 2000. Ч. 1; 2002. Ч. 2; Хлевнюк О. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023.

[3] Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 13, 14; Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023.

[4] См.: Познанский В. С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск, 1973. С. 48; Якимова Л. П. И. М. Новокшонов и его повести о Гражданской войне в Сибири: послесловие // Новокшонов И. М. Потомок Чингисхана: повести. Иркутск, 1983. С. 410–431.

[5] См.: Тепляков А. Г. Новокшонов (Новокшенов) Иван Михайлович // Вожаки и лидеры Смуты. 1918–1922 гг. Биографические материалы. М., 2017. С. 422, 423.

в Иркутске, затем изгнанного из Иркутской ЧК за взяточничество и арестованного, освобожденного белыми после покаянного письма с отказом от большевизма и состоявшего в подпольной белогвардейской организации, а затем снова арестованного белыми. Партизанский отряд, созданный Новокшоновым из дезертиров в последние недели существования белой власти, давал им возможность укрыться от преследований и не вел боевых действий.[6]

После падения власти Колчака отряд Новокшонова стал частью Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР), однако в следующем году этот военный перешел на службу в Госполитохрану (ГПО) Дальневосточной республики, отчаянно нуждавшуюся в кадрах. Судя по стремительности его карьеры, он сразу занял в ГПО Верхнеудинска значимую позицию и зарекомендовал себя хорошим следователем. Между тем в НРА ДВР его объявили дезертиром, и в июне–августе 1921 г. в производстве Ревтрибунала НРА находилось дело командира 5-го Зиминского кавполка Новокшонова по обвинению в самовольном оставлении полка во фронтовой полосе.[7]

Чекисты, являясь инициаторами перехода командира полка на службу в органы госбезопасности, не дали нового товарища в обиду, и Новокшонов остался служить в Верхнеудинске. Обстановка там не была благополучной: все активные госполитохранщики яростно избивали заключенных плетьми, что подтвердила комиссия Дальбюро ЦК РКП(б), так резюмировав 9 июня 1921 г. свои впечатления от посещения Верхнеудинской тюрьмы: «Действительное положение в ГПО ужасное, кошмарное».[8] Основные подробности чекистской карьеры Новокшонова неизвестны, но себя он проявил, по мнению руководства, достойно и был переброшен из малоэффективной и пораженной коррупцией ГПО в органы ВЧК с повышением. К середине 1921 г. чекист достиг ответственного поста — члена коллегии Сибирской окружной транспортной ЧК, базировавшейся в Омске.

В расстрелах тогда, как правило, участвовали и чекисты руководящего уровня. С Новокшоновым одну из казней в ночь на 15 августа 1921 г. проводили начальник отделения Дорожно-транспортной ЧК (ДТЧК) станции Омск Ю. Я. Бубнов, член партии с 1917 г., и начальник Водного отдела Сибирской окружной транспортной ЧК К. М. Лац. Пьяные Бубнов и Лац, контролируя расстрел пяти осужденных коллегией Омской ДТЧК, «издевались над трупами, стреляя в задние части тела». Новокшонову, как свидетелю и старшему оперативному начальнику, тоже пришлось отвечать за эти, по мнению вышестоящих чекистов, «хулиганские выходки». Бубнов и Лац, отбыв арест, были 4 ноября 1921 г. освобождены Омской губЧК, с запретом работы в «органах», а также исключены из партии. Две недели спустя, 17 ноября, коллегия ОмгубЧК постановила привлечь к ответственности и Новокшонова — за пьянство при упомянутом инциденте.[9]

К тому времени будущий литератор был переведен в Иркутск, с понижением на одну ступень — с члена коллегии Омской ОКТЧК (всесибирской) до члена коллегии региональной ДТЧК. В конце 1921 г. Новокшонов стал жертвой чистки партии,[10] особенно суровой к чекистам. Вероятно, высокие покровители помогли ему быстро и достойно устроиться в Москве, войти во Всероссийское общество крестьянских писателей, став сначала литературным функционером, а потом и писателем.

Перебравшись в 1922 г. в Москву, Новокшонов избирался ответственным секретарем месткома столичных писателей, был членом правления Литфонда. Возможно, его карьера начиналась с освещения настроений писательского сообщества, что было типичным родом деятельности для бывших чекистов. С 1924 г. Новокшонов стал печататься, нередко находя соавторов благодаря тому, что обладал интересным биографическим материалом. Его книги выходили в Москве и Свердловске. Повесть «Таежная жуть» (1927), посвященная партизанам Иркутской губернии, была сразу раскритикована за малохудожественность, избыток революционного пафоса, скуку и тяжеловесность языка,[11] однако оказалась переиздана.

Известность Новокшонову принесла повесть о молодом монголе «Потомок Чингисхана», которому участие в партизанском отряде знаменитого иркутского анархиста Нестора Каландаришвили открыло дорогу к совершенно иной

[6] См.: Хипхенов Г. И. Крушение Центросибири. Иркутск, 2022. С. 125–129; Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 148.

[7] См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 24402. Оп. 2. Д. 442.

[8] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13. Д. 288. Л. 81.

[9] См.: Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 48. Л. 61об.

[10] См.: Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 700. Л. 51.

[11] См.: Сибирские огни. 1927. № 6. С. 254, 255.

жизни. Вместе с Осипом Бриком Новокшонов создал на основе этой повести сценарий для прославившегося одноименного кинофильма Вс. Пудовкина. Один из мемуаристов вспоминал, что физически очень сильный Новокшонов добровольно выполнял и своеобразную «общественную нагрузку». Он подвизался «вышибалой» в ресторанах, когда требовалось прекратить дебош подвыпивших столичных писателей. А для тонуса бывший чекист ежедневно выпивал по стакану бычьей крови, добываемой на бойне.[12]

Переехав в начале 1930-х гг. в Свердловск, этот член местного писательского союза 20 июля 1937 г. был арестован и 14 августа следующего года осужден на 10 лет заключения, но до сих пор неизвестно, в чем именно он обвинялся. Отбывая срок в ГУЛАГе, Новокшонов умер 5 мая 1943 г. Был реабилитирован. Таким образом, ряд ключевых эпизодов его биографии остается нераскрытым.

В 2014 г. вышел большой очерк о жизни другого заметного деятеля сибирской литературы Максимилиана Кравкова,[13] построенный в основном на обширных материалах семейного архива и личном деле из фонда Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1926–1929 гг.). Вместе с тем в очерке мало сведений о «белогвардейском» периоде его жизни, а также неточно указаны многие обстоятельства четырех арестов Кравкова в советский период.[14]

Еще студентом Кравков, примкнувший к большевистскому подполью, был арестован с поличным при изготовлении самодельных бомб. Получил пять лет каторжных работ, замененных после продолжительной отсидки в тюрьме ссылкой в с. Тайшет Иркутской губернии. Там он, избегая политической деятельности, давал уроки и занимался геологическими изысканиями. После Февральской революции Кравков работал в земских финансовых органах в качестве гласного, примкнул к эсерам-максималистам, а после захвата власти большевиками, упразднившими земства, вернулся к сбору минералогических коллекций.

В советских анкетных материалах Кравков, разумеется, избегал указывать белых администраторов, выдвинувших его на ответственную политическую работу. Назначение Кравкова 1 июля 1918 г. комиссаром Нижнеудинского уезда было произведено уполномоченным Временного Сибирского правительства Н. В. Фоминым, а его покровителем все время являлся управляющий Иркутской губернией (с июля 1918 г.) П. Д. Яковлев, бывший эсер-террорист. Свою работу в Нижнеудинске Кравков в советское время пытался представить как общественную службу наперекор офицерской реакции.[15] Его нелояльность Колчаку была отмечена в документах (любезно предоставленных нам Г. И. Хипхеновым) военной контрразведки середины 1919 г. — времени, когда Кравков и его сторонники-эсеры стали готовить антиколчаковское восстание.

Начальник Нижнеудинского контрразведывательного пункта Штаба Иркутского военного округа 21 июня 1919 г. сообщал командиру корпуса генерал-лейтенанту С. Н. Розанову, что эсеровское руководство уезда вместо содействия «стараются подорвать и мой, и моих агентов авторитет». Кравков и его «незаконный помощник» И. Н. Вострецов — «ярые левые эсеры, по агентурным сведениям[,] держат контакт даже с большевистскими деятелями… стоят во главе эс-эровской организации… Кравков, бывший поселенец, по сообщению Начальника тюрьмы[,] обвинялся в краже…» Также Кравков был известен в городе благодаря своей речи в железнодорожном собрании, когда большевики захватили власть в Петрограде, где он заявил: «Нам нужно взять сторону большевиков, это наши социалисты, а Каледина и Корнилова нам нужно бояться». Контрразведчик сообщал, что Кравков «остался недоволен тем, что… посажены в тюрьму товарищи-большевики и в присутствии посторонних лиц качал головой над списком мною арестованных. Арестованный по распоряжению Начальника военного района Кузнецова за незаконное эксплуатирование карагазов (тофаларов. — *А. Т.*) инструктор Ир[кутского]союза кооперативов Белоусов [,] доставленный в Нижнеудинск для уплаты штрафа в 3 000 руб., или отбытия 3-х месячного тюремного заключения, освобожден Кравковым и наказания до сего времени не понес».

С 6 по 8 августа 1919 г. ревизию управления уездом произвел чиновник особых поручений при МВД тайный советник П. П. Башилов. Он беседовал с Кравковым и с его слов зафиксировал

[12] См.: Сольский В. «Снимание покровов»: воспоминания о советской литературе и Коммунистической партии в 1920-е годы. СПб., 2005. С. 43.

[13] См.: Максимилиан Алексеевич Кравков — писатель, геолог, исследователь Сибири // Узбекова Д. Г. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М., 2014. С. 276–347.

[14] См.: Там же. С. 293, 311, 316.

[15] См.: Там же. С. 291, 309.

участие главы уезда «в подготовке низвержения советской власти». Башилов отметил, что, по негласным сведениям, Кравков остался лидером местных эсеров и подбирал в милицию представителей этой партии (об этом позднее писал в анкетах и сам Кравков). Приказа МВД о назначении Кравкова управляющим уездом не было, и «его служебное положение не узаконено». В марте 1919 г. Кравков просил отставки по состоянию здоровья, но Яковлев ее не принял.[16]

Позиция Кравкова выражалась в жестком противостоянии и с местной военной властью, и с красными повстанцами. В 1937 г. чекисты приобщили к его следственному делу и антипартизанские воззвания Кравкова, и его жалобу Яковлеву на начальника Нижнеудинского военного района капитана А. И. Блукиса, арестовавшего начальника 1-го района милиции Кротова, старшего милиционера Филиппова, затем умершего в тюрьме, и начальника милиции 2-й части Ростиславского. Кравков утверждал, что проводившееся Блукисом разоружение милиции «разоряет чинов милиции, действующих и погибающих в борьбе с бандами», причем самим Блукисом якобы «никаких действий против банд красных не предпринимается».[17]

С лета 1919 г. Кравков вместе с видными местными эсерами и, опираясь на лояльный аппарат милиции, готовил восстание против Колчака, надеясь разделить власть с большевиками. Перед приходом красных Кравков освободил политзаключенных Нижнеудинской тюрьмы, арестовал Блукиса и городского голову, а также разоружил гарнизон. В заявлении в губернскую земскую управу, с просьбой о «выдаче… заштатного содержания, ввиду упразднения должности» управляющего уездом, Кравков указывал следующее. Он 8 января 1920 г., «организовав и выполнив переворот в г. Н-Удинске», был командирован в Иркутск «по поручению органа революционной власти для сопровождения эшелона с золотом, следовавшего для передачи Политическому центру», и через восемь суток прибыл в губернский центр.[18]

В Иркутске Кравков поступил в губотдел народного образования и организовывал музей, но был арестован чекистами за свое эсеровское прошлое и провел под стражей три месяца,[19] со 2 октября 1920 г. После освобождения он уехал в Омск, где смог устроиться заведующим музейным отделом Сибнаробраза. Летом 1921 г. административным центром Сибири стал Новониколаевск, и Кравков, вместе со всеми чиновниками, переехал туда, став, после упразднения музейного отдела, директором местного музея. Здесь он был 22 ноября 1922 г. арестован просто как эсер. На допросах Кравков показал, что политикой не интересуется, а современной тактики эсеров не знает: «…отрицательно отношусь ко всякого рода покушениям на государственную власть, как открытым, так и замаскированным».[20]

Пять дней спустя он дал подписку о невыезде, но освобожден оказался только месяц спустя, когда написал письмо о выходе из партии эсеров и отрицательно о ней высказался. Бюро содействия ГПУ, состоявшее из начальства Сибнаробраза, дало ему положительную характеристику,[21] и 23 декабря дело было прекращено. Кравков вернулся к активной работе, включая литературные труды, а в 1923–1926 гг. возглавлял Сибгоскино.

В 1925 г. он выпустил детективную повесть «Ассирийская рукопись», в которой описал музейного работника, безосновательно арестованного чекистами и испытавшего отчуждение окружающих, запуганных государственным террором. С 1929 г. у писателя начались неприятности, связанные с ужесточением общественно-политической обстановки: после исключения из Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев Кравков лишился и должности заведующего музеем. В начале 1931 г. власти разогнали Общество изучения Сибири, одним из организаторов которого он был.

Арест Кравкова 26 марта 1931 г. был связан с фабрикацией новосибирскими чекистами агентурного дела «Паутина» в отношении бывшего командующего войсками Уфимской директории генерала В. Г. Болдырева. Это был ответ на инициативу руководства Особого отдела ОГПУ, сфабриковавшего в масштабах страны офицерскую повстанческую организацию «Весна». Сибирские чекисты, надеясь получить сведения против ставшего плановиком и краеведом экс-генерала, арестовали видных представителей местной интеллигенции. Однако никаких серьезных сведений против Болдырева получить от арестованных не удалось, и они были не позднее осени того же года освобождены, причем из

[16] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 65. Л. 33об., 17 (сведения Г. И. Хипхенова).
[17] См.: Архив УФСБ РФ по Новосибирской области (АУФСБНО). Д. П-7474. Л. 45.
[18] ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 202. Л. 242 (сведения Г. И. Хипхенова).
[19] Р. Узбекова предоставляет неточные сведения о двухнедельном заключении (с. 293).
[20] АУФСБНО. Д. П-3816. Л. 5, 22об.
[21] См.: Там же. Л. 23–26.

восьми освобожденных пятеро были вынуждены дать подписку о сотрудничестве с ОГПУ.[22]

В 1933 г. Болдырев был снова арестован новосибирскими чекистами, в связи с грандиозным делом «белогвардейского заговора», и в марте подписал составленный ими текст, в котором Кравков значился завербованным для «руководства контрреволюционной ячейкой в области музейного дела».[23] Однако по своим соображениям чекисты не стали привлекать Кравкова, который в первой половине 1930-х гг. фактически скрывался в Горной Шории, занимаясь золоторазведкой в качестве геолога. После ослабления карательной активности «органов» Кравков снова стал печататься в «Сибирских огнях» и осел в Новосибирске.

В первой половине 1937 г. управление НКВД по Запсибкраю сфабриковало несколько крупных дел о заговорах, в том числе и на бывших видных эсеров Петелина, Занозина, Гороха. От них были получены данные и на Кравкова. В справке на арест указывалось, что Кравков — сын личного дворянина, эсер с 1908 г., активный земец, будучи управляющим Нижнеудинским уездом, составлял воззвания к населению, призывая крестьян «выдавать повстанцев и красных партизан», лично участвовал в карательных отрядах белых, уничтожавших деревни и поровших сочувствовавших большевикам. Будучи до 1933 г. геологом, «умышленно отводил изыскательные партии от обнаруженных месторождений золота», а являясь помощником директора музея в Новосибирске, «развалил работу». В 1933 г. входил в руководство «белогвардейского заговора» в системе Общества изучения Сибири. К 1937 г. был «организационно связан» с членами «Сиббюро ПСР» И. Х. Петелиным, И. М. Евстигнеевым и В. С. Занозиным с целью воссоздания активного эсеровского подполья. Эти обвинения потом были в основном заменены на менее конкретные.

Писатель, арестованный 22 мая 1937 г.,[24] был вынужден признать участие в заговоре, но, как опытный арестант, брал на себя предельно абстрактные вины. Поскольку Кравков был против террора и диверсий, Петелин якобы поручил ему пропагандировать эсеровскую идеологию в печати и консолидировать «всех недовольных соввластью лиц из числа писателей и работников издательства» Эти задания писатель выполнил только частично: в рассказе «Таежными тропами» допустил «много психологических переживаний», а в рассказе «Пал» «выпячивал личность в духе народнических тенденций», «игнорировал вопросы социалистического строительства». В организацию же никого не завербовал, так как имел ограниченный круг знакомых, где не было лиц с «народническим настроением».

7 октября 1937 г. тройка УНКВД по Запсибкраю приговорила Кравкова к расстрелу за участие в контрреволюционной, террористической и диверсионно-шпионской деятельности. Пять дней спустя приговор был приведен в исполнение.[25]

В августе 1956 г. рассказ М. А. Кравкова «Таежными тропами»[26] по заданию УКГБ был отрецензирован писателями Г. М. Пушкаревым и Е. Ф. Ивановым, а также преподавателем новосибирского пединститута, кандидатом филологических наук Н. А. Каргаполовым. Эксперты были призваны дать анализ идейно-политической направленности рассказа и оценили его как художественно слабую и идейно порочную вещь, однако лишенную криминального «эсеро-народнического направления».[27]

В итоге 1 августа 1958 г. военный трибунал СибВО отменил решение тройки о расстреле Кравкова, сославшись на то, что следователи, занимавшиеся данным делом, известны как фальсификаторы, применявшие запрещенные методы воздействия, а рассказ Кравкова оказался не эсеровским, а всего лишь аполитичным.[28]

В отличие от М. А. Кравкова, Вивиан Итин в Гражданскую войну был рядовым служащим, по сути, уклонившимся от призыва в армию Колчака и работавшим переводчиком в американской христианской ассоциации «ИМКА». Этот автор первой советской фантастической повести сразу после ликвидации колчаковской власти был привлечен большевиками к работе в органах своей своеобразной юстиции. Имевший юридическое образование Итин вспоминал о своей работе в Красноярске как о важном вкладе в победу большевиков над своими врагами: «С момента вступления в партию я был завгубюстом, входил в коллегию

[22] См.: Там же. Д. П-7496. Л. 217–218; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 гг.): сборник документов. Новосибирск, 2004. С. 333–334.

[23] См.: АУФСБНО. Д. П-7474. Л. 27–36, 39–44.

[24] В книге Р. Узбековой опечатка — 22 марта (с. 316), а также неточно указана причина ареста — якобы фабрикация «дела геологов».

[25] См.: АУФСБНО. Д. П-7474. Л. 1, 2, 16, 50, 51.

[26] См.: Сибирские огни. 1923. № 4. С. 66–79.

[27] См.: АУФСБНО. Д. П-7520. Т. 2. Л. 152–155.

[28] См.: Там же. Д. П-7474. Л. 51, 54, 55, 58, 60, 61.

ГУБ.Ч.К. и подписывал смертные приговоры белогвардейцам...»[29]

В течение всего советского периода Итин был вынужден доказывать случайность своего пребывания в составе «ИМКА». Несмотря на номенклатурные позиции в сибирской писательской жизни, он исключался из партии в 1925 г. и 1937 г., отделался строгим выговором во время чистки 1929 г. В августе 1937 г. писатели исключили Итина из ВКП(б) уже не за службу у белых, а за связь с арестованными литераторами. Репрессированные коллеги не допрашивались относительно «контрреволюционной деятельности» Итина, однако арестованный заведующий отделом руководящих партийных органов Новосибирского горкома ВКП(б) А. Я. Надлерман 25 января 1938 г. был вынужден показать, что оберегал от разоблачения враждебные элементы, включая Итина.[30]

В нашей работе, специально посвященной писателю,[31] дан обзор его следственного дела, занимающего 90 листов. В нем особенно интересным является реабилитационное производство (71 лист), новые материалы из которого приводятся ниже. Итина арестовали 3 мая 1938 г., и уже на следующий день выбили признание в шпионаже на японскую разведку. После этого полгода никаких следственных действий, судя по документам дела, не было. На заседании тройки УНКВД по Новосибирской области 17 октября 1938 г. Итин был осужден и 22 октября расстрелян.

С 1955 г. в его 19-листовое следственное дело стали подшиваться материалы проверки, дающие возможность судить о позиции и обстоятельствах жизни Итина в 1930-е гг. Дочь Итина Лариса, кандидат биологических наук Института физиологии АН БССР и член КПСС с 1953 г., из Минска 25 ноября 1955 г. написала письмо в Президиум ЦК КПСС:

«Дорогие товарищи!

У меня в 1938 г. репрессирован отец. Факт этот бросает тень на меня и мою семью. Я бы хотела, чтобы дело отца было пересмотрено, потому что не уверена в его виновности».

Это письмо было направлено в органы военной юстиции, и в апреле 1956 г. врио военного прокурора СибВО подполковник юстиции Дмитриев направил дело, вместе с жалобой Л. В. Итиной, в управление КГБ с предложением проверить фактическую сторону, включая сведения о том, действительно ли в Новосибирске жил японский консул Накамура и бывал ли он на квартире Итина. Чекисты подшили в дело и адрес известного писателя А. Л. Коптелова, упоминавшегося в деле, с отметкой, что он «по связям японского консульства в Новосибирске не проходит». В мае 1956 г. Чернобай запросил архив УМВД по Хабаровскому краю и Центральный государственный исторический архив в Ленинграде относительно данных о принадлежности Итина к японской разведке. Ответы были отрицательными.[32]

Новосибирские контрразведчики, со своей стороны, представили справку о том, что Итин не проходит по картотеке лиц, связанных контактами с японским консульством, работавшим в Новосибирске с апреля 1926 г. по конец 1937 г. Оперативник УКГБ Л. Тарасов 7 августа 1956 г. в течение часа с четвертью допрашивал 53-летнего А. Л. Коптелова, писателя и депутата горсовета. Оценивая былые обвинения в адрес Итина, Коптелов заявил, что писатель не принимал участия в левацкой группе «Настоящее», а выступал против нее. Младший коллега напомнил, что Итин был человеком советских убеждений, делегатом 1-го съезда советских писателей и заботился как о новосибирской организации СП, так и о журнале «Сибирские огни».

О какой-либо контрреволюционной деятельности Итина и его связях с японским консульством Коптелов ничего не знал, дав ему такую литературную и общественную характеристику: «Итин писал, правда, немного, но те из его очерков, которые написаны о Северном Морском пути, я думаю, имеют большое значение и сейчас. <...> По характеру он был несколько флегматичным человеком и, может быть, поэтому в работе он был не всегда энергичен. <...> В моей памяти он остался как советский человек, положительный товарищ. В то время, когда Итин редактировал журнал “Сибирские огни”, журнал стал лучше, и это отмечал Горький, сказав: “Я очень рад, что “Сибирские огни” снова разгораются”.

Арест Итина вызвал в то время недоумение в нашей писательской среде».[33]

В кратком отзыве бывший полярный летчик, полковник запаса Б. Г. Чухновский, в июне 1956 г. написал, что встречался с Итиным в 1929 г. в Игарке и в начале 1930-х гг. в Новосибирске. Итин, по мнению пилота, «был

[29] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.
[30] См.: АУФСБНО. Д. П-4910. Т. 1. Л. 59.
[31] См.: Тепляков А. Г. «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина. С. 181–208.
[32] АУФСБНО. Д. П-3745. Л. 20–23, 27.
[33] Там же. Л. 34–35.

убежденным популяризатором идеи развития Северного Морского пути и писал об этом книги (насколько помню удачные»).[34]

Допрос 13 августа 1956 г. 49-летнего пенсионера КГБ С. М. Заяринова, когда-то решившего судьбу Итина (в конце 1953 г. с него был снят партийный выговор за доведение придирками и угрозами заместителя начальника шахты в Прокопьевске Галочкина до самоубийства), продолжался почти четыре часа. Чекист довольно подробно описал механизм фабрикации групповых дел на «врагов народа», уверяя, что сам «физических мер не применял». Когда вопрос коснулся конкретно Итина, Заяринов заявил, что такого арестанта не помнит, и сослался на то, что дело возбуждено не им и закончено другим следователем: «Почему он оговорил себя, я не знаю».[35]

Военным трибуналом СибВО 11 сентября 1956 г. писатель был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Книги Итина стали перепечатывать, о нем чередой пошли очерки и воспоминания, нередко спрямлявшие путь и почти не касавшиеся трагедии его жизни. Так, в статье «Первый советский фантаст» об Итине, чтобы показать его мифическую «революционность», В. Самсоновым было написано: «В составе легендарной Пятой армии он идет с боями через всю Сибирь».[36]

Таким образом, архивные источники о писателях, особенно следственные дела ВЧК-МГБ, обладают значительным информационным потенциалом, предлагая очень разнообразный биографический материал. Пластичность судеб писателей хорошо видна на примере Итина, Кравкова и Новокшонова, игравших заметную роль в литературном процессе 1920–1930-х гг. Все они были обязаны личностным и литературным становлением революции и Гражданской войне, но свои темы и сюжеты черпали не только в этом конкретном опыте.

Все трое литераторов в период Гражданской войны были настроены антибольшевистски. Однако все на завершающем ее этапе открыто выступили против белой власти. После ее краха Новокшонов командовал небольшим партизанским отрядом в Зиминском уезде и кавалерийским полком в ДВР, стал крупным чекистом. Итин поступил на руководящую работу в губернские органы юстиции, затем вошел в литературные номенклатурные круги. Кравков установил после свержения Колчака новый вариант эсеровской власти в Нижнеудинске, но был вынужден сдать ее большевикам; и в итоге, наученный пребыванием в тюрьмах ВЧК-ГПУ-ОГПУ, не по своей воле оказался наиболее аполитичным, выбрав музейно-литературную работу.

Стремясь уйти от прямых объятий государственной пропаганды, они находили свое место через беллетризацию собственного опыта и успешное соавторство (Новокшонов), внимание к сильным личностям, покорителям Севера и сибирских недр (Итин, Кравков). Таланты этих писателей позволяли им заниматься, помимо литературы, и активной общественной деятельностью.

Исследователям еще предстоит основательная работа по реконструкции биографий многочисленных литераторов Сибири, ликвидированных государственной машиной. Ставшие жертвами охоты за «врагами-заговорщиками», они частью мелькнули в групповых делах, как рядовые члены очередной заговорщицкой повстанческой организации (как, например, член Союза писателей М. И. Ошаров, прошедший по делу на 65 участников «РОВСовской организации» в Новосибирске, из которых были расстреляны 62),[37] частью же удостоились отдельных и порой информативных следственных производств.

Адаптация писателей к существованию под большевистским режимом проходила в максимально агрессивной среде и осложнялась прямым политическим преследованием власти. Деятельность В. Итина, М. Кравкова и И. Новокшонова, людей, в разной степени литературно одаренных, была активной и создала внушительный пласт документальных источников, обстоятельное изучение которых еще предстоит.

Alexey G. Teplyakov
Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk)
E-mail: *teplyakov-alexey@rambler.ru*

[34] АУФСБНО. Д. П-3745. Л. 36.
[35] Там же. Л. 62–66; Российский государственный архив новейшей истории (РГАМНИ). Ф. 6. Оп. 3. Д. 294. Л. 137.
[36] Итин В. А. Страна Гонгури. Красноярск, 1965. С. 6.
[37] См.: АУФСБНО. Д. П-4457. Т. 3.

FROM CRIME TO SCIENCE: SIBERIAN WRITERS OF THE 1920s–1930s ACCORDING TO NEW DOCUMENTS (V. A. ITIN, M. A. KRAVKOV, I. M. NOVOKSHONOV)

The creation of an objective biographical narrative requires considerable efforts to find and criticize documentary sources. V. Itin, M. Kravkov, I. Novokshonov, who played a prominent role in the literary process of the Siberian region, were repressed, which undermined the source base and still does not allow writing their full-fledged historical biographies. The fates of these writers have much in common — they were opponents of the Bolsheviks, found themselves in contradictory relations with the White movement, and then they were forced to serve the communist state, which demanded complete submission. The adaptation of these people to existence under the Bolshevik rule was complicated by both criminal and political persecution, but also gave birth to layers of documents in both party-state and chekist archival repositories. Some of the sources discovered are so expressive that they force a complete revision of long-established reputations, uncovering fake heroes with the weight of criminal offenses (Novokshonov). On the other hand, M. Kravkov and V. Itin's political activity was so active and diverse that it generated a large number of documents unknown to researchers. Despite their active desire to adapt to the Soviet reality, these writers did not survive the repressions of the state security agencies. At the same time, the investigative files on these persons offer extremely important materials, which, with additional study of party-state archives, allow us to seriously clarify, or even revise the reputations of these literary and historical characters.

Keywords: *V. A. Itin, M. A. Kravkov, I. M. Novokshonov, literature, Siberia, Civil War, politics, repressions, crime, rehabilitation*

REFERENCES

Alekseev V. V., Nechaeva M. Yu. *Voskresshie Romanovy?... K istorii samozvanchestva v Rossii XX veka* [The Resurrected Romanovs?.. To the History of Imposture in Russia of the 20th Century]. Chelyabinsk; Ekaterinburg: YuUrGU Publ., 2000, part 1. (in Russ.).

Alekseev V. V., Nechaeva M. Yu. *Voskresshie Romanovy?... K istorii samozvanchestva v Rossii XX veka* [The Resurrected Romanovs?.. To the History of Imposture in Russia of the 20th Century]. Chelyabinsk; Ekaterinburg: YuUrGU Publ., 2002, part 2. (in Russ.).

Fitzpatrick Sh. *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear Off the Masks! Identity and Imposture in 20th Century Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011. (in Russ.).

Itin V. A. *Strana Gonguri* [The Land of Gonguri]. Krasnoyarsk: Krasnoiarskoe kn. izd-vo Publ., 1965. (in Russ.).

Khalfin I. *Avtobiografiya bol'shevizma: mezhdu spaseniem i padeniem* [An Autobiography of Bolshevism: Between Salvation and Fall]. Moscow: NLO Publ., 2023. (in Russ.).

Khipkhenov G. I. *Krushenie Tsentrosibiri* [The Fall of Centrosibir]. Irkutsk: IGU Publ., 2022. (in Russ.).

Khlevniuk O. *Korporatsiya samozvantsev. Tenevaya ekonomika i korruptsiya v stalinskom SSSR* [Corporation of Impostors. The Shadow Economy and Corruption in the Stalinist USSR]. Moscow: NLO Publ., 2023. (in Russ.).

[**M**aksimilian Alekseevich Kravkov — Writer, Geologist, Explorer of Siberia]. *Uzbekova D. G. Kravkovy: dva pokoleniya uchenykh iz Ryazani* [The Kravkovs: Two Generations of Scientists from Ryazan]. Moscow: Veche Publ., 2014, pp. 276–347. (in Russ.).

Novikov P. A. *Grazhdanskaya voyna v Vostochnoy Sibiri* [The Civil War in Eastern Siberia]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2005. (in Russ.).

[**N**ovokshonov (Novokshenov) Ivan Mikhailovich]. *Vozhaki i lidery Smuty. 1918–1922 gg. Biograficheskiye materiały* [Leaders and Chiefs of the Time of Troubles. 1918–1922. Biographical Materials]. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2017, pp. 422–423. (in Russ.).

Papkov S. A. [Vivian Itin during the Party Purge of 1929: Another Step towards Ruin]. *Istoricheskiy kur'yer* [Historical Courier], 2022, no. 1 (21), pp. 89–97. DOI: 10.31518/2618-9100-2022-1-9 (in Russ.).

Poznanskiy V. S. *Ocherki istorii vooruzhennoy bor'by Sovetov Sibiri s kontrrevolyutsiey v 1917–1918 gg.* [Essays on the History of the Armed Struggle by Siberian Soviets against Counterrevolution in 1917–1918]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1973. (in Russ.).

Sol'skiy V. *"Snimanie pokrovov": vospominaniya o sovetskoy literature i Kommunisticheskoy partii v 1920-e gody* ["Unveiling the Past": Memoirs of Soviet Literature and the Communist Party in the 1920s]. Saint Petersburg: Nestor Publ., 2005. (in Russ.).

Teplyakov A. G. [“I Am Not an Official and Not a Coward”: Vivian Itin’s Destiny]. *Vlast’ i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN; Parallel’ Publ., 2015, iss. 6, pp. 181–208. (in Russ.).

Yakimova L. P. [I. M. Novokshonov and His Stories about the Civil War in Siberia: Afterword]. *Novokshonov I. M. Potomok Chingiskhana: povesti* [Genghis Khan’s Descendant: Stories]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izd-vo Publ., 1983, pp. 410–431. (in Russ.).

Yarantsev V. N. *Vivian Itin. Grazhdanin Strany Gonguri. Peterburgskoe povestvovanie* [Vivian Itin. A Citizen of the Gonguri Land. A Petersburg Narrative]. Novosibirsk: Soyuz pisateley Rossii Publ., 2018. (in Russ.).

Yarantsev V. N. *Zazubrin: chelovek, kotoryy napisal “Shchepku”: povest’-issledovanie iz vremen, ne stol’ otdalennykh* [Zazubrin: The Man Who Wrote “Shcheka”: A Research Narrative from Times Not So Distant]. Novosibirsk: Soyuz pisateley Rossii Publ., 2012. (in Russ.).

Для цитирования: Тепляков А. Г. От криминала до науки: сибирские писатели 1920–1930-х гг. По материалам документов (В. А. Итин, М. А. Кравков, И. М. Новокшонов) // Уральский исторический вестник. 2025. № 4 (89). С. 173–182. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-173-182.

For citation: Teplyakov A. G. From Crime to Science: Siberian Writers of The 1920s–1930s According to New Documents (V. A. Itin, M. A. Kravkov, I. M. Novokshonov) // Ural Historical Journal, 2025, no. 4 (89), pp. 173–182. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-173-182.